

УДК 811.511.142

В.Н. Соловар

Функционально-семантические особенности языка

хантыйской личной песни

(на материале казымского диалекта)

Аннотация. В статье впервые исследуется лексика хантыйской личной песни. Выявлены базовые номинативные средства песенного лексикона, рассмотрены функционально-семантические особенности языка народной песни. Специфика личных песен проявляется в использовании многозначных деминутивных суффиксов, имеющих различную функцию, а также в употреблении глагола в форме неочевидного наклонения. Выявляются различные средства ритмообразования и звуковой организации текста песен.

Ключевые слова: личная песня, лексика, менталитет, повторяемость, имя существительное, глагол, частицы, эмотивность, волеизъявление, деминутивный суффикс, параллелизм.

V.N. Solovar

Functional-semantic peculiarities of the language

of Khanty personal songs

(Kazym dialect studies)

Abstract. The author of the article investigates the lexis of Khanty personal song for the first time. The main nominative features of song lexicon are discovered, functional-semantic peculiarities of the language of folk song are examined in the article. Specifics of personal songs are shown in use multiple-valued the deminutivnykh of the suffixes having various function and also in the use of a verb in the form of an unevident inclination. Various means of a ritmoobrazovaniye and the sound organization of the text of songs come to light.

Keywords: personal song, lexicon, mentality, repeatability, noun, verb, particles, emotive component, volition, diminutive suffix, parallelism.

Песенный фольклор для любой этнической традиции, с одной стороны, явление, лежащее на поверхности фольклорного массива, с другой стороны – явление, чрезвычайно трудное для изучения. Исследователи фольклора знают, с какими трудностями приходится сталкиваться при сборании песен по предметной отнесенности, ситуативной или обрядовой прагматике, гендерной принадлежности и т. д. Язык песен как фольклорного жанра оказывается весьма сложным лингвистическим феноменом как для исследователей, поскольку песни представляют собой материал, сложный для чтения, расшифровки или записи, перевода для профессио-

нальных лингвистов, но и для тех, для кого язык песен является родным и которые обладают возможностью соотносить друг с другом разные формы языка.

Кроме этого, обращение к песенным текстам объясняется их культурно-языковой значимостью: «изучение языка открывает для нас, помимо собственного его использования, еще и аналогию между человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке» [1, 349].

Хантыйские песни привлекали к себе внимание фольклористов и музыковедов на протяжении многих лет. Фонографические записи хантыйских песен, сделанные в 1930-е годы

В.К. Штейницем и другими собирателями, хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, и ныне они доступны для лингвистического и этномузыкологического изучения [2, 23-25; 36]. Имеющиеся работы по проблематике хантыйских песен и их языка отражают, в основном, анализ песен медвежьего праздника, собственно обрядовых песен, относящихся к глубокой архаике культуры обско-угорских народов. Поэтике подобных обрядовых песен посвящены работы исследователей [3]. Однако, в истории знакомства с народной поэзией имеется глубоко ошибочное мнение А. Алквиста [4, 175-176], на которое совершенно справедливо указывает Т.В. Волдина [5, 23]. В более поздней работе А.А. Гриневич исследуются наиболее характерные приемы поэтики обрядовых песен медвежьего праздника. Священные песни медвежьего праздника описываются автором с точки зрения их структуры (типизированные грамматико-синтаксические структуры – формулы) и формальных композиционных особенностей построения песен (повторяемость, осуществляющаяся на разных уровнях текста, вариативность и параллелизм, ритмика [6]. Пока мы должны признать, что разработка собственно лингвистических и лингвофольклористических проблем, связанных с изучением хантыйской песни находится в стадии становления.

Личные песни хантов и других народов Сибири, представляют собой феномен, хорошо известный в общей фольклористике и в изучении фольклора народов Сибири. Как справедливо отмечает З.В. Венстен-Тагрина, песня выполняет функцию этносоциальной идентификации и самоидентификации [7, 3]. Произведения представляют собой образец песни-импровизации, однако надо заметить, что это особая разновидность: их сюжетная канва, смысловая структура и лексика являются относительно устойчивыми в различных исполнениях при заметно меньшем объеме варьирующейся части.

Личная песня является песней, созданной человеком либо для самого себя, либо

для членов своей семьи, поэтому человек выражает в ней свои переживания и свои чувства: радость, горе, удовлетворение, тревоги. В личной песне в ее инвариантах, характерных для этнической традиции и наиболее ярко ее представляющих, отражается менталитет народа: в этих песнях звучит любовь, уважение ко всем членам семьи. В личных песнях семейной тематики отражены доброжелательные отношения между невесткой и свекровью, что, как известно, встречается не у всех народов. Личная песня является инструментом регулирования психологического состояния, она, как отмечает З.В. Венстен-Тагрина, «является отражением характерного для традиционных культур северных народов своеобразного «этно-космо-социума» личности [7, 3]. На наш взгляд, это настоящий сеанс психотерапии.

Целью данной работы является выявление базовых номинативных средств, составляющих ядерную часть хантыйского песенного лексикона, и языковое своеобразие личной песни, как текста, в котором реализуются на лексическом уровне представления ключевых концептов фольклорного текста.

Для анализа мы используем тексты песен, собранные Е.Д. Каксиной, опубликованные ею в сборнике [8] и неопубликованные материалы.

Как отмечает А.А. Гриневич на материале обрядовой лексики, хантыйский стих, представленный в песенных жанрах фольклора, относится к силлабическому цезурированному типу, основой которого является слоговая группа постоянной величины. Равносложность или изосиллабизм – главная характеристика хантыйского стиха... Для элиминации отклонений от нормы, то есть от обыденного прозаического произношения хантыйских слов используются методы изовременного выравнивания строк. Укороченные строки, имеющие меньшее число слогов, растягиваются: выравнивание за счет музыкального параметра (распев гласного), компенсация за счет вербального параметра (внедрение встав-

ных слогов и слов), а также компенсация за счет грамматических параметров – использование добавочных суффиксов [6, 10].

Ранее мы отмечали различные способы выражения эмотивности в хантыйском языке [9], однако, в хантыйском поэтическом тексте имеются свои особенности, которых нет в обычной речи.

Характерной специфической чертой языка личных песен мы считаем частотное использование деминутивных суффиксов: ийэ/ыйэ/ийэ, йэ/йэ, лэ, лэңки, которые являются многозначными и выполняют различную

функцию. В песенных текстах они присоединяются к разным частям речи, для создания внутренней рифмы в стихе и для выражения эмотивности, волеизъявления; иногда суффиксы употребляются не по одному, а по два, что усиливает экспрессивность текста. Высокая частотность суффиксов передает накал чувств, который внешне зачастую никак не отражается, однако, он понятен сведущему человеку.

Такие суффиксы присоединяются к разным частям речи:

1) к имени существительному:

Вөн Ащпәпа вөн эви=йэ=м, Хотыйэн ухи вөн эви=йэ=м, Олэң йонтэм йәм сөн=ыйэ=м, Олэң верэм йәм онтп=ийэ=м...; Ай Микәла ики=лэңки...	Старшая Стёпа, старшая дочка моя, Старшая дочка, глава домика, Первый сшитый мной хороший кузовок, Первая сделанная мной колыбелька...; Молодой мужичок Микола...

2) к имени прилагательному:

Нар=ыйэ=на йүх=ийэ ар йәм наңк=лэ...; Нар=ыйэ=на йүх=ийэ ар йәм наңк=лэ...; Хишәң йохәм ай=лэ көрта...; Потәм=лэ нүки лаңкәм йәм хот...; Нуви=йэ=н ухпи вэт пухийем...	Много хороших деревьев сырых лиственниц...; В маленькое стойбище песчаного бора...; Холодной кожей покрытый хороший дом...; Со светлыми=твоими волосами пять...; сыночков моих...

3) к наречию:

Потәм усмәп ар хот вул, Ар=аҗ=лэ верэнтыйәлмемән...	Много остовов жилищ с холодным изголовьем, Множество=их мы оставили=оказывается...

Особенностью рассматриваемого фрагмента является форма слова ар=аҗ=лэ, а именно, присоединение к форме наречия ар ‘много’ лично-притяжательного суффикса 3 лица

единственного числа (что несвойственно повседневной речи) и суффикса лэ, который выражает удовлетворение автора песни сложившимися обстоятельствами. Еще пример:

Шай йаңши хот ар=ыйэ вермем...	Я много создала домов, в которых можно пить чай...

4) к именам числительным:

Йаң=ийэ=н пушхап ин тыхәл...	Гнездо это с десятичкой=твоей птенцов...

Имя числительное оформлено деминутивным суффиксом и посессивным суф-

фиксом 2 лица единственного числа.

5) к местоимению:

Ма= ийэ =н тайэм вэт эвийем...; Лјув= ийэ =н омсэм йам хотыйем;	Рожденные мной пять дочерей...; Хороший дом, построенный им;

6) к послелогам:

Лјов йўкана= йэ таймэв ийэ =йэ Ин лјовлјал мантаы= йэ йам йўпийна= йэ ...; Кат пух= ийэ =м йам пата= йэ ...	Вместо лошадей нас держали=оказывается После того, как уйдут лошади...; Для моих двух хороших сыновей...

7) к частицам различных разрядов:

Ат= ыйэ тўвилјетал=ийэ, Ат= ыйэ картылјетал=ийэ; Вэт мўв сўна ат= ыйэ =н мантај...; Най нумэс ки мал ант= ыйэ таймем=э; Ма ши= йэ манлјэмэ, манлјэм=ийэ=йэ.	Пусть он увозит=оказывается, Пусть он соединяет (обоз); К пяти углам земли пусть уйдут=они...; Если нет у меня божественной мысли; Я, конечно, уеду, уеду.

Приведем примеры с парными деминутивными суффиксами:

Вакат ими= лэуки =лэ...; Ай Мушаң не= йэ мэнь= лэуки =йэ; Петрушка ики= лэуки =йэ; Ай вухаль не= лэуки =йэ...	Жёнка Вагат...; Молодая женщина из Мозям, невестка; Мужичок Петрушка; Молодая жёнка-вогулка...

Присоединение уменьшительно-ласкательных суффиксов к различным именам передает чувства певца: добродушие, внимание, ласку, сожаление; кроме этого они выполняют и метрически регулирующую функцию.

Еще одной специфической чертой стиха песен является присоединение к глаголу, употребляемому в неочевидном наклонении, формообразующих суффиксов =**ийэ/ыйэ/йэ**, **лэ**, которые в обычной речи присоединяются к именам существительным. Приведем пример:

Ма ши лэ арийэлэ=тем=**ийэ**,
Ин там йуильской хөлэм йаң эвэн,
Лјыв ат лэ шөшийэлэ=тэл=л=**ыйэ**...;

Хул ши пәрыйэйлјэмэл=**лэ**;
Арэл йаңхилјэмем=**ийэ**;
Ма кўрна лэ хөхлјэмем=**ийэ**,
И ата маңылјэмем=**ийэ**.

Кроме участия в ритмообразовании – преобразовании повествовательного текста в песенную форму, подчиненному определенному размеру, данные суффиксы несут в себе функцию субъективной оценки. Так, суффикс уменьшительно-ласкательный или пренебрежительный, присоединяясь к глаголу, приобретает эмотивное значение, передает в зависимости от контекста чувство удовлетворения, сожаления, жалости или волеизъявления, утверждения и др. Названные суффиксы употребляются в разном сочетании. Приведем примеры:

Хишем пенк лјув ай Петрушка Икэн омсийэлэ=гал= ыйэ =йэ; Хотыйем телјәна йўвмал= лэ =ийэ, Нурем телјәна йўвмал= лэ =ийэ; Мўң ши сэврийэлэмэв= лэ =ийэ=йэ.	Молодой Петрушка с зубами с плесенью Мужчина сидит=оказывается; Домик=мой полным стал=оказывается, Кровать=моя полной стала=оказывается; Мы рубили=оказывается.

Особенностью хантыйских песен является употребление глагола, почти исключительно, в неочевидном наклонении, эта

форма глагола, особенно её употребление в 1 лице – указывает на некоторое отстранение субъекта от реальности, на возмож-

ное несовпадение ожидаемого и действительного. Кроме этой грамматической формы в составе глагола имеется суффикс длительного действия, такая совокупность различных средств дает нам сигнал о психологическом состоянии певца, который во время пения отключается от реального мира, он уходит мыслями в далекое прошлое, и вдруг, исчерпав содержание, относящееся к плану прошлого, неожиданно возвращается. Такое одновременное употребление таких полисемантических грамматических средств при небольшом наборе лексических средств передает особый накал эмоций певца. По этой причине нам кажется сомнительной интерпретация А.А. Гриневич, касающаяся медвежьих пе-

сен, так как грамматические средства сакральной обрядовой поэзии и личной песни во многом совпадают. Так, по мнению автора, «грамматика медвежьих песен гораздо более грамматически перегружена и избыточна по сравнению с языком повседневной речи»... Подобные грамматические средства используются и в личных песнях, что, на наш взгляд, вполне оправдано прагматическими задачами текста песен. Что касается приведенного далее автором глагола, то в его составе нет указанного «древнего лично-притяжательного суффикса», это все та же форма глагола длительного действия неочевидного наклонения.

Приведем еще примеры:

Муя ле лолмилэ=ман= ыйэ , Муя ле тўвилэ=ман= ыйэ ...; Нын ки тўвилэ=ман= ыйэ ...; Ма щи лэщэтыйэл=м=ем= ийэ ...; Ма щи мийльилэ= т =ем= ийэ ...; Хөлең веншэп йаң вўлүйэл Ат= ыйэ тўвилэ= т =ај= ийэ , Ат= ыйэ къртылэ= т =ај= ийэ .	Зачем же вы её своровали=оказывается, Зачем же вы её увезли=оказывается...; Если вы её увезли=оказывается...; Я ведь приготовила=оказывается...; Я ведь=её отдаю=оказывается...; Десять оленей с темными мордами Пусть она увезет=оказывается, Пусть она соединит=оказывается.

В семантике деминутивных суффиксов имеются семантический и прагматический компоненты: уменьшительность может реализоваться как семантическая составляющая варьирования размера или какого-то иного статуса, поддающегося мерной интерпретации, и как прагматическая составляющая, представляющая эмоциональное отношение говорящего к объекту.

К особенностям песен мы относим употребление частицы *ле*, которая материально совпадает с суффиксом; она также является средством звуковой организации текста и рифмы; семантика этой частицы определяется контекстом, так, она может передавать желательность действия с эмоциональной характеристикой одобрения:

...Ма щи ле арийэлэтем= ийэ , Ин тәм йуильской хөлэм йаң эвэн Лыв ат ле шөшийэлэтэлүйэ.	Я же пою=оказывается, Эти юильские тридцать девушек Пусть же они прогуливаются.

В данном фрагменте текста частица *ле* имеет значение волеизъявления и сочетается с утвердительной частицей *щи*, такая

сочетаемость частиц усиливает экспрессивность высказывания.

Муя ле лолмилэман= ыйэ , Муя ле тўвилэман= ыйэ ;	Зачем же вы её украли, Зачем же вы её увезли;

В приведенном примере частица *ле* выражает чувства автора: сожаление, горечь по поводу случившегося.

его *ведь* увозили... , в данном примере эмоционально-экспрессивная частица *ле* 'ведь' передает чувство горя, жалости певца к сыну.

Ин лўв **ле** тўвэм ин пурайны...Когда

К средствам звуковой организации текста и рифмы мы относим также повтор слога с перестановкой звуков:

Нөрэм ай Күр йохэ *тыйсм=мэ* эвэлтэ,
Нөрэм войэ лелтэм=*мэ* кашау=*на*
өхэлнэ

Хайэп шөп=*пэ* сәңхам=*мэ* ай вошема
Ма щийэ хөхлэлтгыйэлме=*мэ* ийээ...;
Нүвән оңтәп ар вўлы
Щәлта наврыйәлмәл=*лэ*;
Нухлы мәнәм ар хоймәл=*лэ*
Ай пелңайэ хумән сыйа
Йэлы вөймиийәлмәл=*лэ*.
Нухлы мәнәм ар сўлмәл=*лэ*
Нүвән оңтәп ар вўлы
Щәлта наврыйәлмәл=*лэ*;
Верәм леры йәм мунтал=*лэ*

Кәтна ки сөхтәтем;

Красноармэйской ар йайийэв=*вэ*

Солтат ле милпийэ ар йайийэв=*вэ*

В структуру глагола, в корень слова, вставляется лишнее слово – *ин*, которое как бы неожиданно разрывает глагол, на него падает акцент, что также способствует ритмообразованию; значение слова-вставки *ин* ‘сейчас’ как бы актуализирует действие, выраженное глаголом неочевидного действия, независимо от грамматического времени глагола, благодаря этому слову-вставке оно указывает на настоящее время. Такой прием позволяет слушающему воспринимать действие, как происходящее сейчас, в данный момент, слушатель как будто сам все это действие видит и слышит.

Ин лүв йонты= <i>ин</i> = ийәлтал, Йира хөн хирты= <i>ин</i> =иәлтөм; Йухи ма йухтыйэ= <i>ин</i> =иәлтөмә, Йухи па <i>ин</i> сәвемийәлтөмә; Вөнта ки шөшми= <i>ин</i> =ийәлмәл; Ара па арыи= <i>ин</i> =ийәллөм...	Сейчас она шьет= <i>оказывается</i> , Конечно, я не отброшу= <i>оказывается</i> ; Домой я приехала= <i>оказывается</i> , Домой же я прибывала= <i>оказывается</i> ; Если она в лес зашагала= <i>оказывается</i> ; И в песне я об этом спою...

В текстах песен наблюдается частотное присоединение к конечному согласному гласного звука, который тянется для создания внутренней рифмы и напевности. Например:

Кәт Щүнь йухан кәтән күт=*н=а*
Кэв ай павәртхотыйәм=*э*
Ма па тайийәлтөм=*а*,
Вакат имиләнқи=*лө*.

Особенностями языка песни являются частотное употребление частиц, суффиксов с экспрессивной семантикой, удвоение согласных и растяжение гласных (особенно в конце стиха); все эти поэтические средства в совокупности и изменение акцента в нужном месте способствуют благозвучию стиха:

Йухи хәцәм ин лүй оләнлам
Нуви=*йэ=н* Төрәм йәм ащийна
Лыв *ат ле* лавлы=*ин=ыйәл=тат*,
Лыв *ат ле* вөлльилә=*т=әл=л=ыйэ*.

Количество слогов в одном стихе личной песни равняется от 8 до 12 – таковы метрические параметры личных песен хантов.

В процентном соотношении частоупотребляемая лексика предстала следующим образом: лексема *хот* ‘дом’ составляет 1% от всего состава слов; эви ‘дочь’ – 1,2%; пух ‘сын’ – 1,1%; мўв ‘земля’ – 0,5% от всего состава слов, лексема йухан ‘река’ – 0,3%, йиңк ‘вода’ – 0,3%; лор ‘озеро’ – 0,1%; йохәм ‘бор’ – 0,1%; наңк – 0,01%; вўлы ‘олень’ – 0,1%; лов ‘конь’ – 0,1%; вой ‘зверь, птица, животное’ – 0,4%, йәм ‘хорошо, хороший’ – 2,4%. Частеречный состав словника песен представлен в основном именами существительными.

Выразительность поэтической речи обеспечивается метафорическими эпитетами, так Л.В. Роббек, описывая особенности языка олонхо, отмечает, что в основе метафорических эпитетов лежит скрытое сравнение, составляющее существенную долю фольклорного иносказания [10, 7]. Скрытые сравнения, выполняющие функцию метафор, свойственны и для хантыйских личных песен. Например:

Вотас вўлы хўв кърыйем; Ма сэмийем карты хон ле вөлмал, Мухлыйем кэва хон ле вөлмал; Ма лелыйэн варэс пълат ле не, Лелыйэн турэн пълат ле не...; Вөншийэн нохэр ай сэмийэл, Хөлыйэн нохэр ай сэмийэл; Торыйэн сапэл мўвең анас; Сэвийэм тынцаң ин ай сыха Ма нумсыйем вөтща щи ле сыхлём.	Длинный метельный обоз оленей; Мое сердечко не железо было, Моя печеночка камнем не была; Я, женщина росточком с низкие кусты, Я, женщина росточком с низкую траву...; Маленькое сердечко его, размером с сосновую шишку, Маленькое сердечко его, размером с еловую шишку; Обозы, изогнутые, как шея журавлика; Как в маленький сверток свернутый тынзын Я мысли=мои сворачиваю.

Основным приемом построения песенных текстов является повтор. Повторы встречаются на разных уровнях текста и

представляют собой разные единицы: фонетические, грамматические, лексические и синтаксические. Например:

<i>Ай лора</i> ки ин <i>вохэлтэм</i>, <i>Ай лор</i> хўват хўв кърыйэ, <i>Вөн лора</i> ки <i>вохэлтэм</i>, <i>Вөн лор</i> хўват хўв кърыйэ...	Если я сейчас спускаюсь = оказывается к маленькому озеру, По маленькому озеру длинный обозик, Если я спускаюсь=оказывается к большому озеру, По большому озеру длинный обозик...

В анализируемой строфе наблюдается повтор предложений, в которых происходит замена антонимов *ай* и *вөн*; в третьем стихе нет повтора наречия *ин*.

В формировании ритма олонхо, как отмечает Л.В. Роббек, большое значение имеет наличие слов, регулярно встречающихся в одних и тех же синтаксических позициях в составе параллелизма, и являющихся основным организующим ядром структуры параллелизма [10, 8]. Подобные функционально-семантические особенности текстов мы наблюдаем в хантыйских песнях.

Ай Тарлин хө ин йәм пила
Ар мўв хайиинлём.
Йаң вантөхэл *къртэм* хўв *кър*
Арэл ма *къртыйгълмем* хуты.
Потэм усмэп *ар хот*вул
Арэгле *верантыйгълмемэн*.
Потэм ле нуки лаңкэм йәм *хот*,
 Хөс вэт *ухлап*, *ухлаң йәм хот*
 Ма щи *верантыйгълмемийэ*
Ай Тарлин хө ин йәм пила.
Йаңийэн пўихап ин тыхэл
*Ай хуллор*на щи омэсэм.
 Хуты верла, муй ма ант хошмем,

Нувийэн ухпи вэт пух=ийе=м,
Мўв нампара хон кўш тай=м=ем,
Мўв тапара хон кўш тай=м=ем.
Муйа пърыйгълмыйэ,
Муйа вөшигълмыйэ...
Нувийэн Төрэм ин илпийна,
Хуты йилгэм, *хулта* ле *мәнлгэм*.
Ай хуллор нө йәм нумсыйем
Лърпийгэм тынцаң ин йәм иты
Лаптыйэн сөры ин йәм вўша
Нумсыйем йэллы ма хўватлём.
 Йухи хәщэм ин *лўй оләнлгэм*
Нувийэн Төрэм йәм Ащийна
Лыв ат ле *лавлыинийгълтат*,
Лыв ат ле *вөллылгълтэлмыйэ*.

Как показывает материал, ритмичность в языке песни достигается путем подбора фонетически созвучных единиц. Текст песен подобран из соответствующих в смысловом и фонетическом планах вариантов слов в подходящих для этого местах в структуре параллелизма. Так, в приведенном примере параллелизм построен на основе постоянно повторяющихся суффиксов, слов, форм слов, цепочки эпитетов, целых предложений, использовании созвучных слов, кон-

текстных синонимов и др., так, например, слово *лүй олэңлам* представляет собой случай метафорического переноса внутренней содержательной формы общенародного слова. Вся эта система художественно-выразительных средств способствует организации звуковой гармонии песни и высокого уровня

образности. Каждая личная песня представляет собой сеанс прихотерапии, приведем для примера личную песню Данила Николаевича Тарлина.

Каждая личная песня представляет собой сеанс прихотерапии, приведем для примера личную песню Данила Николаевича Тарлина.

Ай Тарлин хө йэшэк арыём Щурсыйэн кувэл лөрэн йам сыйна <i>Ар сувийём</i> ат лөрийэл, <i>Ар сувийём</i> ат ховийэл. Ма Йилпи ими аңкийемна, Хишэн йохэм не аңкийемна Налмийэн шөпна хайилэем, Сөхмийэн шөпна хайилэем. Ощолэн ики ащийемна Йошийем йоша ши енмэлтэм, Күрийем күра ши енмэлтэм. Йис хө ай пух ма арылэм, Йис хө ай пух ма ши луплэм, Йам лант лэвмаң йам вентрийем, Йам йиңк йашмаң йам лыпийем Йам йасэна пунман тайлэм, Йам нумэсна па тәрматлэм. Ай пушхийэт, ай пушхийэт, Ма щурсыйэн кувэл лөрэн йам сыйна Лаптыйэн сөрты йам нумсыйем Хөтыйэн сөрты йам Йэлта вүйльилэтемийэ, Йэлта ляремийэлтемийэ. Йис хө ай пух хув нумсыйем Лапта ортынийэллэм, Хөта ортынийэллэм. Ма йивэм лупэм нумсэң йасңэт, Ащийем памтэм ар верыйэ, Йам лант лэвмаң йам вентрема Лыпийа пунман ши тайлэлам. Ай Тарлин хө йэшэк арыём Хөхлэн вўлы хөхлэпсыйа Арыём ма ши хөхлэптэлэм. Мантыйэн хутэн ўвмаң йам сыйа Ар сувийем ат ле мантал...	Молодого Тарлина дорогая песня моя С хорошим звенящим звуком тысяч колокольчиков Мелодия моей песни пусть звенит, Мелодия моей песни пусть плывет. Моя мама, жившая у ручья, Моя мама, жившая в песчаном бору, Оставила, оказывается, мне речь, Оставила мне шаги. Отец мой с Осетного Вырастил мои руки умелыми, Вырастил ноги мои подвижными. Молодой мужчина – продолжатель рода, я пою, Молодой мужчина – продолжатель рода, Я говорю, Хорошему моему желудку, питавшемуся хорошей пищей, Моему телу, пившему хорошую воду, Я говорю хорошее слово, Хорошим настроем тоже дополню. Маленькие детки, маленькие детки, Со звенящим хорошим звуком тысячи колокольчиков С семью возможностями хороший ум мой, С шестью возможностями хороший ум мой, Издалека я беру=оказывается, Издалека поворачиваю=оказывается. Длинную думу молодого мужчины – Продолжателя рода Я делю на семь частей, Я делю на шесть частей. Умные слова, сказанные отцом, Много дел, завещанных отцом, В теле, питавшемся хорошей пищей, Я храню. Дорогую песню мою молодого Тарлина Бегущим оленем Песню мою я заставляю бежать. Летящим лебедем, кричащим хорошим голосом, Мелодия песни моей пусть летит...

В личной песне одним из основных является ритмоорганизующая функция параллелизма стиховых рядов. В анализируемом тексте в составе ритмического параллелизма в формировании ритма участвуют единицы, встречающиеся в одних и тех же синтаксических позициях в составе параллелизма и являющиеся основным организующим ядром структуры параллелизма.

Механизм действия здесь основан на подборе соответствующих в смысловом и фонетическом планах вариантов слов в соответствующих для этого местах в структуре параллелизма. Так, например, параллелизм построен на основе, состоящей из словесных повторов *ар сувийём; аңкийёмна; шөпна хыйиҷәмәм; ци єнмәлтәм, ма арыҷәм, дупҷәм* и т. д. и вставке в соответствующих местах параллелизма антонимов: *њадмийэн – сөхмийэн, йошийём – кўрыйём, лант – йиңк, аңки – аци* и др. Немалое значение при выборе соответствующего слова в меняющейся части параллелизма имеет равенство слогов в данных словах.

Как демонстрирует текст, ритмичность в языке песни достигается за счет многочисленных повторов параллельных единиц, путем подбора, в основном продиктованным принципом фонетического созвучия.

Текст песни создан с помощью ритмико-синтаксических параллелизмов, в нем организуется механизм контекстной синонимизации, в результате чего первая часть выполняет функцию пояснения по отношению к следующей части.

В личной песне с помощью эпитета наши предки выражали особенности этнического менталитета, своеобразие собст-

венного мироощущения.

В песне эпитетом может выступить любое определяющее и поясняющее слово или группа слов. Для эпитета личной песни, наиболее характерной чертой является сложность его состава. Простые, однословные эпитеты в количественном отношении уступают составным эпитетам.

Таким образом, в хантыйской личной песне подобно олонхо рифма и лексический повтор выступают дополнительными средствами звуковой организации, а проявляются они ярче и выгоднее всего в пределах ритмико-синтаксического параллелизма, т. к. структура ритмико-синтаксического параллелизма сама регулирует метрические условия зарождения созвучия – тождественность синтаксических позиций гармонирующих слов.

В анализируемом корпусе хантыйских личных песен в значительном объеме отражается лексика, связанная с картиной мира хантыйского человека. Основной состав лексики песенных текстов представлен общенародной лексикой, поскольку личные песни по своей природе отражают окружающую реальность. Вместе с этим хантыйский язык располагает разнообразными ресурсами для поэтизации этой части словарного состава песен, в том числе и морфологически. Язык личной песни – особая форма национального языка, представляющая собой единую целостную систему, сохранившую древние поэтические нормы этноса, предназначенную для создания психологического равновесия личности в реальной действительности и одновременно повышения статуса личности в этносоциуме.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 451.
2. Бурькин А.А., А.Х. Гирфанова, А.Ю.Кастров, Ю.И. Марченко, Н.Д. Светозарова, В.П. Шифф. Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома. СПб., филологический факультет СПбГУ, 2005. 178 с.

3. Steintz W. Ostjakische Völkedichtung und Erzählungen. Stogkholm, 1941; Austerlitz R. Ob-ugric Metrics. Helsinki, 1958; Шмидт Е. Основы метрики в северохантыйском песенном творчестве (внутристрочный уровень) // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 121-152.
4. Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Перевод с немецкого Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 179 с.
5. Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск: изд-во Томского ун-та, 2002. 257 с.
6. Гриневич А.А. Поэтика обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов. Новосибирск, 2011. С. 13.
7. Венстен-Тагрина З.В. Феномен личной песни в традиционной культуре чукчей. Санкт-Петербург, 2008. 23 с.
8. Каксина Е.Д. Поющая женщина из Эхт Югана. Ханты-Мансийск, 2014. 128 с.
9. Соловар В.Н. Способы выражения эмотивности в хантыйском языке // Вестник угроведения. – 2012. – № 3 (10). – С. 60-68.
10. Роббек Л.В. Функционально-семантические особенности языка олонхо. М., 2009. 26 с.

References

1. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. M.: Progress, 1984. S. 451.
2. Burykin A.A., A.H. Girfanova, A.Ju. Kastrov, Ju.I. Marchenko, N.D. Svetozarova, V.P. Shiff. Kollekcii narodov Severa v Fonogrammarhive Pushkinskogo Doma. SPb., Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2005. 178 s.
3. Steintz W. Ostjakische Völkedichtung und Erzählungen. Stogkholm, 1941; Austerlitz R. Ob-ugric Metrics. Helsinki, 1958; Shmidt E. Osnovy metriki v severohantyjskom pesennom tvorchestve (vnutristrochnyj uroven') // Istorija i kul'tura hantov. Tomsk, 1995. С. 121-152.
4. Alkwist A. Sredi hantov i mansi. Putevyje zapisi i jetnograficheskie zametki. Perevod s nemeckogo N.V. Lukinoj. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1999. 179 с.
5. Voldina T.V. Hantyjskij fol'klor: istorija izuchenija. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 2002. 257 с.
6. Grinevich A.A. Pojetika obrjadovyh pesen medvezh'ego prazdnika kazymskih hantov. Novosibirsk, 2011. S. 13.
7. Vensten-Tagrina Z.V. Fenomen lichnoj pesni v tradicionnoj kul'ture chukchej. Sankt-Peterburg, 2008. 23 s.
8. Kaksina E.D. Pojushhaja zhenshhina iz Jeht Jugana. Hanty-Mansijsk, 2014. 128 s.
9. Solovar V.N. Sposoby vyrazhenija jemotivnosti v hantyjskom jazyke // Vestnik ugrovedenija. – 2012. – № 3 (10). – С. 60-68.
10. Robbek L.V. Funkcional'no-semanticheskie osobennosti jazyka olonho. M. 2009. 26 s.